

Се Ин слегка приподнял длинные брови, и в его взгляде проскользнула легкая высокомерная нотка:

— Эти рисунки «красавицы Цуй» хороши разве что яркими красками да свежей манерой исполнения. Неужто во всем мире только он один умеет писать картины? Ладно, раз уж я дал слово, то обязательно отчитаюсь перед евнухом Гао. Даже если имитацию «красавицы Цуй» сделать не удастся, неужели я, Се, не смогу достать какую-нибудь картину эпохи Сун с изображением странствующих бессмертных?

Гао Цянь, хватаясь за последнюю соломинку, стиснул зубы и произнес:

— Если ничего не выйдет, я смирюсь и не дерзну просить у цяньху картину со странствующими бессмертными. Но если всё получится, ваш покорный слуга навек запомнит эти труды цяньху, да и мой отец, разумеется, тоже узнает об этом.

Се Шань в очередной раз приехал в Цяньань.

Он-то думал, что раз Цуй Юань, возвращаясь в родные края, забрал с собой благовония, ему удастся избежать этой поездки. Кто же мог знать, что спустя столько времени его господин, вернувшись из поездки, вновь напишет письмо и велит доставить его юному господину Цуй?

В Цяньани кругом горы, реки, дикие леса да заросшие тропы, а вот приличных мест для ночлега почти нет. Разве легко ему дается каждый такой путь? Их господин — цяньху Цзиньивэй! Скажи помягче — погружен в дела, а скажи повнушительнее — человек, без которого император шагу ступить не может! И с какой стати он от нечего делать постоянно посылает его в эту глушь искать сынка какого-то чиновника?

Хоть он и роптал в душе, но послушаться и не исполнить поручение не смел. Получив приказ цяньху Се, Се Шань, как и в прошлый раз, купил корзину самых лучших красок, на этот раз добавив еще золотой и серебряный порошок, а также две стопки отборной обработанной рисовой бумаги, после чего во весь опор помчался в Цяньань. Он бывал здесь уже несколько раз, поэтому Цуй Юань, едва увидев его, поспешил пригласить в дом. Он велел новому повару Нью заварить чай для гостя, а сыну приказал отправляться в школу, отпросить Цуй Се и привести его домой.

Цуй Се в эти дни разрывался: нужно было и следить за отделкой библиотеки, и рисовать портреты героев Троецарствия, и готовить сочинения на показ господину префекту... К тому же экзамен, назначенный на второй месяц следующего года, неумолимо приближался. У него не было возможности выделять дополнительное время на повторение, поэтому на занятиях он проявлял крайнее усердие, полностью погружаясь в написание сочинений и забывая обо всем на свете. Когда Пэн Янь забрал его из школы и сообщил, что Се Шань пришел в гости, Цуй Се на мгновение задумался и лишь потом вспомнил...

Имя звучало знакомо.

Кажется, это слуга из дома цяньху Се?

Да это же тот самый Се Шань, который притворился богачом и скупил их нераспроданные «Парные изречения из Четверокнижия»!

Только теперь он окончательно очнулся от своих мыслей. Запахнув поплотнее подбитый мехом плащ, который накинуд на него Пэн Янь, и сжав его прохладную ручонку, Цуй Се насутился перед пронизывающим ветром и направился домой.

В школе господина Линя царил холод, на улице бушевала стужа, а вот боковая гостиная в усадьбе Цуй, переделанная из спальни, обогревалась кан-печью, отчего там было тепло, как весной. Вернувшись домой, Цуй Се первым делом переоделся в легкую подбитую ватой одежду и лишь затем отправился встречать гостя. На всё это ушло некоторое время, поэтому, увидев Се Шаня, он виновато произнес:

— Извините за долгое ожидание.

Се Шань поспешно поднялся, поклонился и с улыбкой ответил:

— Не гоже мне было тревожить молодого господина в такой день, но у нашего цяньху возникло одно дело, в котором не обойтись без вашей помощи. Он специально велел мне доставить письмо. Письмо и вещи, которые он просил передать, находятся здесь, прошу господина ознакомиться.

Цуй Се поблагодарил его, взял письмо и развернул бумагу.

Пока он читал, Се Шань разглядывал его.

С момента их последней встречи прошло уже больше полугода. Хотя за это время Се Шань еще раз приезжал в Цяньань за книгами, он тогда избегал встречи. На этот раз он заметил, что юноша заметно вытянулся, детская пухлость с щёк сошла, скулы стали выразительнее, подбородок заострился, глаза казались даже крупнее, чем прежде, а переносица — ровнее и точнее.

Под глазами легли легкие тени, и когда он читал письмо, опустив веки, его обычно яркий взгляд приугас, придавая ему болезненный и изможденный вид, вызвавший у Се Шаня искреннее сочувствие.

«Надо же, до чего тяжелое это дело — учеба. Хороший ведь мальчик, а стоило взяться за книги — и во что превратился...» — с грустью думал Се Шань, едва удерживаясь от желания посоветовать ему поменьше учиться, а лучше усердно рисовать, чтобы в будущем поступить на службу во дворец художником-живописцем.

Едва Цуй Се дочитал письмо и аккуратно сложил бумагу обратно в конверт, Се Шань поспешно выпрямился и спросил:

— Господин понял, чего хочет наш господин? Когда вы сможете закончить картину?

Цуй Се слегка улыбнулся:

— Это дело не быстрое. Оставьте вещи мне, а когда картина будет готова, я сам отправлю её в столицу. Думаю, если поторопиться, к середине двенадцатого месяца всё будет готово. Передайте цяньху, что я приложу все усилия.

Се Шань сказал:

— Слуга понял. Тогда я подожду здесь, а господин пусть напишет ответное письмо.

Цуй Се кивнул, поднялся с письмом в руке и добавил:

— У меня тут еще есть кое-какие вещи, которые вам стоит захватить с собой в столицу...

Се Шань расхохотался:

— Господин, неужели те книги да бумагу для писем, что вы передаете, наш господин не может купить в столице? По мне, так лучше бы вы отправили свой собственный портрет! Вы ведь так вытянулись и похудели. Если я расскажу цяньху, он же неизбежно станет гадать, как вы теперь выглядите. А будет портрет — посмотрит и сразу всё поймет!

Цуй Се, который в прошлой жизни был из той породы консервативных людей, что даже в соцсетях не выкладывают селфи, с минуту помолчал и ответил:

— Тогда, вернувшись, скажи цяньху только о том, что я подрос, а про то, что похудел, не упоминай.

С тех пор как он только прибыл сюда, он вырос почти на цунь.

В этом году ему исполнилось всего пятнадцать. Если он продолжит расти с такой скоростью, то через четыре года, отправляясь в столицу, в нем может оказаться уже за метр восемьдесят. Только представьте: встанет он среди стражников Цзиньвэй — и без всякой обуви на толстой подошве будет с ними одного роста, а то и на целую голову выше! Одно осознание этого поднимало настроение.

Се Шань чистосердечно возразил:

— Нельзя так, господин! Как я могу говорить нашему цяньху неправду? К тому же три дня на экзаменационной арене — испытание не из легких. Вы же тощие как жердь, у вас талия тоньше моего бедра! Если не начнете питаться как следует, где же в животе поместятся все знания?

Цуй Се беспомощно покрутил головой:

— Ничего страшного, во время праздника Нового года поем побольше и всё восполню. Братец Се, посиди пока, а я пойду напишу ответ цяньху.

В письме цяньху Се просил нарисовать картину с небожителями для евнуха Гао, причем эта картина предназначалась для подношения императору. Картина должна быть выполнена в стиле «красавицы Цуй», но не слишком хорошо — не так безупречно, как та, что он подарил самому цяньху, — и без собственной подписи.

Едва увидев имя «евнух Гао», Цуй Се тут же вспомнил, как тот вместе с Се Ином приезжал в Цяньань, сжимал его руку и обещал свою поддержку.

Когда он подавал жалобу на Цуй Мина, у него не было твердой уверенности, и он лишь от безысходности напустил на себя суровый вид. И именно визитная карточка евнуха Гао окончательно избавила его от любых опасений. Эту доброту он всегда хранил в сердце, но евнух Гао жил во дворце и с простым человеком вроде него никак не пересекался, так что способа отблагодарить у него просто не было.

В глубине души ему хотелось выложиться на полную и написать великолепное полотно, но когда он дочитал до места, где Се Ин просил не ставить свою подпись, у него в голове мгновенно прояснилось.

И в самом деле: ему предстояло сдать кэцзюй и поступить на службу. Если за ним закрепится слава человека, подающего картины императору через евнухов, это приравняют к выслуживанию и искательству чинов! Цяньху Се взял всё на себя, защитив его имя от ассоциаций с евнухом Гао, но при этом дал возможность утолить давнее желание

отблагодарить — истинно проявляя глубокую заботу.

Не то чтобы он был самовлюбленным, но если бы цяньху Се действительно не пекся о его репутации и будущем, стали бы Цзиньивэй, действуя по официальному делу — подготовке праздничного дара для императора, — поступать столь обходным путем? Зачем им писать письмо с кучей наставлений? Достаточно было передать через Се Шаня устный приказ с жестким сроком, и он бы из кожи вон вылез, но сделал всё вовремя!

В душе Цуй Се вспыхнула маленькая, ничем не обоснованная гордость. Он взялся за кисть и написал ответ Се Ину, убеждая того не беспокоиться: он прекрасно понимает важность дела и обязательно напишет истинное изображение бессмертных в подлинной манере «красавицы Цуй», достойное поднесения императору.

Начиная с самого детского сада, каждое зимнее и летнее время по телевизору крутили «Путешествие на Запад». И хоть со временем он перестал его смотреть, образы и сцены навечно запечатлелись в памяти. Если уж рисовать небожителей, то что, если не «Путешествие на Запад»?

Значит, Праздник Умиротворения Небес!

Сколько бы лет он ни прожил, в его представлении настоящий пир бессмертных должен выглядеть именно так — никаким картинам великих мастеров этого не изменить!

Поскольку ни учебу, ни отделку библиотеки откладывать было нельзя, оставалось лишь на время отложить иллюстрации к последним томам «Троецарствия» и выкроить время для картины для императора.

<http://bllate.org/book/18372/1761311>